

ТЕАТР

Вечный двигатель надежды

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ был сосредоточен. Любимый, встретившийся в жизни факт он рассматривал с точки зрения революционной. Не напрасно было бы считать его узким, ограниченным. Он мог воспринять и осмыслить все что угодно, даже то, что нам, испорченным знаниями школьных основ физики, покажется бы совершенно не стоящим обсуждения...

В Молодежном театре-студии на Красной Пресне было открытие сезона. Давали «Пролетарскую мельницу» Сястля, спектакль, поставленный по пьесе известного кинодраматурга В. Мережко.

Юные исполнители на случайню вложили жар своих душ в пьесу о двадцатых годах прошедшего столетия, когда происходила революционная ломка общественных отношений и человеческих характеров, когда молодость была все, когда сама страна была названа «молодостью».

НАК НАДО жать по-человечески? Как относятся друг к другу? А как — к врагу? Все становится предметом переоценки, самозабвения экспериментирования. Время рождало удивительных людей, которые могли предложить для скорейшей победы мировой революции самые невероятные замыслы, проекты — и могли ожидать, что их встретят горячо, пойдут навстречу, могут чем-то помочь.

Тут любовь ограничена, эгоизм, любовь «самозабвения» выглядит сомнительным. А то и попросту подпорочным. Ведь вот говорили же во всем мире, что рабочие и крестьяне на могут обидеть, взять власть в свои руки, управлять государством, приступить к созданию нового строя? Говорили. Доказали мы им, что они не такие на пророк? Доказали. А теперь они же (учебные книги) утверждают, что построить такую мельницу, которая вертелась бы сама, — невозможно... Слыхали мы это слово «невозможное», сто раз слышали!

Так бедная, добрая, добротная, но с горячим взглядом Председатель комбед (А. Зотев) ораторски отвергает сомнения и поверил буденовцу Степану, что сделает тот, обязательно сделает, и в самые короткие сроки, Пролетарскую мельницу счастья. Время такое — до счастья все равно недалеко, ходит только плуток, плетутся, как же не плетись — сбавляй, не ускорить ей бег? Ну и что же, что все это в маленькой, глухой российской деревушке? А в деревушке где начинался?

Степан (А. Минин) — не какой-то другой человек, не бытовой... В своей алой рубашке и буденовке он как будто новый, не учтенный в старых былых богатствах. Если у Председателя жалели от напряжения, что титит заваленных им на себя забот, где и хлеб для ребятишек, и счастье человеческое на руках, — то Степан раскован, даже нетороплива в движениях. Он считает уже себя — возможности делать добро. Он же очевидно замечает конкретные трудности, даже любовь многодетной вдовы однополчанца он видит не сразу. Но возится с ее детшками, отдает ей свою козу и даже лаву от своего дома — это он сделает раньше, чем осознает свою и Настю любовь.

Не будем спешить утверждать Председателя в адекватности. Лучшие заглавия вокруг его главы: *«В кого может прийти и деревню, кому-то в ожидании счастья, это острое состояние души?»*

Да конечно же, от Степана, бывшего буденовца, самая улыбка которого свидетельствует, что никаких трудностей для него не существует...

ТАК светлая, меняющая, глобального значения идея попадает в конкретный, земной, жестокий, классово и идеологически направленный быт деревни. Тут ведь кабинет Председателя — только один полус призрачный. Другой — дом кулака и левачника, деревенского богача Вирин (И. Сингоров).

Это не такой уж простой и легкий противник, несмотря на всю свою историческую обреченность... Он неглуп. По виду — мягок и терпим. Более того, этому классовому врагу драматург не боится доверить и некоторые злые сомнения. Скажем, не поведет ли такая «самодвижущаяся мельница» нравственному состоянию жителей деревни? Не облетят ли они еще готовеньким?

И этого мало. Этот мирный, продавший дочку за водочку, глубоко, казалось бы, укорененный в почве деловых товарно-денежных отношений, — тоже ведь на этой деревни. Вон его приспешник, одиозный застреленный Ацый (Г. Фирсов). Тот ни про какую мельницу и в толк взять не может: ему верить в какое бы то ни было чудо просто незачем. А Вирин, обратит внимание, на какой-то момент в мельницу поверил! И испугался: а вдруг да создадут они рай на земле — а его не примут? Сподвигает он, при всей-то своей хитрости, к главной мировой выгоде?

А вокруг — деревня. Она, на первый взгляд, нищая. А на второй — оказывается, много еще чего дать может. И колоса со всех талах. И целы от собак и с колодцах. Она только должна поверить — тогда ни за чем не постоит.

Очень хороша и колоритна здесь бабка Целка (Н. Поздников). Имени своего не помнит — а человек живой.

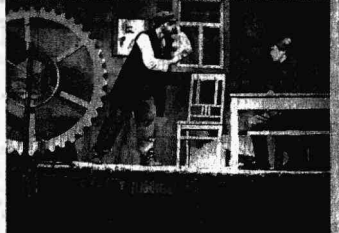
Будет смех — не застынет спектакль, давится дальше. Прямо какой-то плеточный аналог исконому вечному двигателю.

Тут даю вот в чем. Жанр спектакля азыран на до конца. Есть в нем серьезная социология классового конфликта. Есть сезонная утопия. Есть (и по нашему переводу это видно) — комедия. Есть и трагедия тоже, а кроме всего этого — и интрига, развлекательность в интрижке, что как чем же мы все-таки тут описываем? Внимательнее? Боремся? Скорее? Смеешся? И это, увы, не трагикомедия в полном смысле этого слова. Там изрядное движение — сразу в обеих плоскостях, чем горше, тем смешнее, и наоборот. А тут все несколько эклектично. То пафос, то дмех, то плыч...

Так вот Гребок Ф. Куйбиды — исключение. Он, что называется, а жанр копей. Происходит он от Петрушки, с его принципиальной «неигрушечностью». А то, что обидно ему стать убийцей Степана и поджигателем мельницы, как-то не выливается в его скромный облик. Так еще раз сказывается жанровая нерешенность пьесы.

Могут спросить: в каком он должен быть, этот самый жанр? Как ни странно, этот вопрос бамаж к самому персонажу, самому персонажу: а возможно — все-таки такая мельница — или нет? В спектакле две крутятся, довольно долго, а потом все-таки ни для чего, кроме зрительского злорадства. Делать расхлябались мы с фантастикой — а теперь пора поклониться и науке... Так вот, на наш взгляд, стоило «крутить» до самого конца — даже если это потребовало бы большей сказочной стройности от всего спектакля.

Тем более что под руководством главного режиссера В. Кручинского иже Молодежь труппа показывает не-



настойчив, запасы надежды и веры у нее неисчерпаемы. Да и окружающая. Об их бедности и голоде мы ведь, зрители, знаем только все слова, а вот правдива ли непрерывная, от голода на занавесах, мы видим: пляски, песни, ухаживания, подвывания, и во всем — улыбки...

СОСОВАЯ роль в спектакле у Гребка (Ф. Куйбиды). Верно этого образа — в прямо-таки фантастической выразительности. Этому своему удивительному свойству он на каждом шагу жертвует юности и самолюбием, и принципам, и хитростью... Минута Гребок между Вириним и Председателем — и потрясающе начинается как бы естественная расхолаживание полновесных зрелищ. Мы вдруг обнаруживаем, что это на нем (челю и слову-то нельзя на секунду поверить) держится вся общность.

Появится Гребок — будет

дор, энергию, энтузиазм, годным накопившимся в этом театре — и достаточным для того, чтобы зрелище обрело черты вечного двигателя.

А ЧТО спелась мельница — как что ж, исторический путь на прав. Вон деховая оркестр маленьких музьявтов, иногда не ту ноту берущий, (но дующий, из всех сил (истинная здесь находка), как дати бедной Насте, из которых самый маленький не зря же уходит в Степанову буденовку и на пеленке начинает колесо крутить, — это и показывает главную мысль, дорожку сегодняшнему театру: надежда человеческая бесконечна и любые трудности она победит!

А. АНДРИУШИН, П. НИКОЛАЕВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля.

Фото С. ЖАВИКА.